

С. Е. Горшкова

Тверь

ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЛЕНДАРНОЙ ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

В календарной прозе А.П. Чехова представлено интересное сочетание ряда мотивов, свойственных русскому пасхальному рассказу. В качестве примера можно привести рассказ А.П. Чехова «На Страстной неделе». Впервые это произведение было напечатано в «Петербургской газете» (1887, №87, 30 марта).

Рассказ достаточно отчетливо делится на две части, значительно отличающиеся друг от друга по тональности. Границей между ними является исповедь главного героя в среду на Страстной неделе.

Тональность первой части задается повторяющимся описанием неприглядности окружающего («мостовые покрыты бурым месивом»; «бежит грязная вода, в которой не брезгают купаться солнечные лучи»; «щепочки, соломинки, скорлупа подсолнухов быстро несутся по воде, кружатся и цепляются за грязную пену»; «паникадила и ставники одеты в черные, траурные чехлы, лампадки мерцают тускло и робко, и солнце как будто умышленно минует церковные окна») в сочетании с подавленным настроением мальчика, переходящим в озлобление («мальчишки начинают казаться мне величайшими грешниками»; «как никогда мною овладевает сознание греховности и ничтожества»; «я чувствую, что для них я чужой, лишний, незаметный, ... что я отвратительный, бесчестный мальчишка»; «я вспоминаю всех людей, каких только я знаю, и все они представляются мне мелкими, глупыми, злыми...»; «Божья Матерь с Иоанном Богословом кажутся мне одинокими»; «во мне закипает злоба»; «теперь очередь Митьки, но во мне вдруг вскипает чувство ненависти к этому разбойнику, я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первым»). Все перечисленные художественные детали создают мотив несоответствия смысла праздника происходящим событиям. Этот мотив характерен для рассказов начала XX века, где главными героями являются взрослые. В данном же случае главный герой — восьмилетний мальчик Федя, и читатель видит происходящие события глазами этого ребенка. Подробное описание весны как чего-то грязного, неприглядного, трагического также выступает как средство выражения подавленного, мрачного внутреннего состояния ребенка. Это описание имеет в некотором роде притчевый характер. Глядя на плывущие в грязных потоках щепки, мальчик задается вопросом: «Куда, куда плывут эти щепочки? Очень возможно, что из канавы попадут они в реку, из реки

в море, из моря в океан... Я хочу вообразить себе этот длинный, страшный путь, но моя фантазия обрывается, не дойдя до моря»¹. В размышлениях мальчика его осознание собственной греховности соединяется с чувством потерянности в этом мире и страхом перед будущим, он как бы ощущает себя щепкой в бурном потоке жизни.

Переходными моментами от первой ко второй части рассказа являются ожидание исповеди, собственно исповедь и вечер накануне причастия. Стоя среди исповедников, Федя впервые задумывается не о собственных переживаниях, а о другом человеке. Он молится за молодую даму, которая покорно и виновато стоит перед священником: «Чем она грешна? — думаю я, благоговейно посматривая на ее кроткое, красивое лицо. — Боже, прости ей грехи! Пошли ей счастье!»

Следует также отметить, что в этом фрагменте впервые встречается слово «благоговейно», которое контрастирует с мрачными описаниями, превалирующими в первой части рассказа.

Тем не менее до исповеди мальчиком владеют преимущественно негативные настроения. Например, ожидая исповеди, он злится на Митьку, знакомого мальчика, желая исповедоваться раньше него.

После описания исповеди тональность рассказа кардинально меняется вместе с настроением мальчика: «Как теперь легко, как радостно на душе! Грехов уже нет, я свят, я имею право идти в рай... Церковные сумерки уже не кажутся мне мрачными, и на Митьку я гляжу равнодушно, без злобы».

Это настроение усиливается утром в четверг, когда мальчик идет к причастию: «На другой день, в четверг, я просыпаюсь с душой ясной и чистой, как хороший весенний день. В церковь я иду весело, смело... В церкви все дышит радостью, счастьем и весной».

Таким образом, художественная идея рассказа выражается с помощью сочетания таких мотивов, как «воспоминания о празднике Пасхи», «чудо», «несоответствие смысла праздника происходящим событиям». Описание чуда, происшедшего во время исповеди и подготовки к причастию (очищение души главного героя), является переломным сюжетным моментом повествования. Следовательно, основные мотивы реализуются в данном рассказе по следующей схеме: от «горя, безутешности» через «чудо» к «радости», что является, на наш взгляд, необычным соединением схем смыслопостроения детского и взрослого пасхального рассказа.

В пасхальных рассказах А.П. Чехова встречается ряд вышеназванных мотивов в различных сочетаниях. При этом в большинстве произведений этого жанра центральным является мотив несоответствия смысла праздни-

¹ Чехов А. П. На Страстной неделе // Красное яичко к Христову дню. М., 2001. С. 66—90.

ка происходящим событиям. На наш взгляд, именно этот мотив определяет специфику пасхальных рассказов А.П. Чехова.

М. Ранева-Иванова рассматривает историю написания рассказа А.П. Чехова «Казак» в связи с пасхальными праздниками, доказывая, что христианский контекст, в котором освещен внешне незначительный житейский случай, не только обогащает рассказ, но и вносит в его сюжет глубокий общечеловеческий смысл.

А. П. Чехов написал рассказ «Казак» во время пасхальных праздников в 1887 году, в первые дни своего пребывания в Таганроге. «Чехов выехал из Москвы 2 апреля. Он только что закончил и выслал в «Новое время» заказанный ему пасхальный рассказ «Миряне». Как известно из письма писателя, 3 апреля он еще был в дороге, а в Таганрог приехал 4-го, во второй половине дня. Пасха в 1887 году приходилась на 5 апреля. 7-го числа Чехов уже послал рассказ «Казак» в петербургскую газету, где он и был опубликован 13 апреля, в понедельник, тот день недели, когда обычно выходили рассказы писателя в этой газете»².

Сюжет рассказа «Казак» в первой его части (до встречи главного героя с больным казаком) развивается по традиционной схеме³, в соответствии с которой мы можем ожидать совершения пасхального чуда. Но чуда не происходит, схема нарушается. Тональность повествования в начале праздничная, настроение героя приподнятое, торжественное («Солнце еще не всходило, но восток уже румянился, золотился», «Торчаков ехал и думал о том, что нет лучше и веселее праздника, как Христово воскресение», «На что бы он ни взглянул, о чем бы ни подумал, все представлялось ему светлым, радостным и счастливым», «...домашнее убранство такое, что лучше и не надо, всего довольно и все хорошо; глядел он на жену — и она казалась ему красивой, доброй и кроткой», «...сейчас солнце начнет играть. Оно каждую пасху играет! И оно тоже радуется как люди!»⁴).

² Ранева-Иванова М. К проблеме теории и метода изучения христианского мотива в прозе А. П. Чехова // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв. Петрозаводск, 1998. С. 485.

³ О смыслообразовании в русском пасхальном рассказе см.: Горшкова С. Е. Пере-выраженность евангельских смыслов в русском пасхальном рассказе // Богинские чтения: Материалы VIII Тверской герменевтической конференции. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 28—31; она же. Специфика смыслообразования в русском пасхальном рассказе // Лингвистика и филологическая герменевтика: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 26—36; она же. Евангельские смыслы в русских пасхальных рассказах для детей // Традиции и новации в профессиональной подготовке будущего педагога: Материалы научно-практической конференции. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 3. С. 213—219.

⁴ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1962. Т. 5. С. 161—162. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы.

Тональность повествования резко изменяется после встречи Торчакова с больным казаком. Главный герой рассказа — арендатор хутора Низы, Максим Торчаков. В центре рассказа — пасхальный символ, кулич, который появляется в первом предложении: «... ехал со своей молодой женой из церкви и вез только что освященный кулич... Торчаков ехал и думал о том, что нет лучше и веселее праздника, как Христово воскресение. Женат он был недавно, и теперь справлял с женой первую Пасху» (с. 161). Сюжет рассказа очень прост. Жизнь главного героя четко разделяется на две части: до встречи с больным казаком в пасхальный день на дороге и после этой встречи. Узнав, что Торчаков с женой едут из церкви, казак просит у них кусок освященного хлеба, чтобы подкрепить свои силы, так как самого его Пасха застала в дороге. Главный герой хочет выполнить просьбу казака, но жена не разрешает ему портить кулич:

«— Не дам я тебе паску кромсать! С какими глазами я ее домой порезанную повезу? И видано ль дело — в степи разговляться. Поезжай на деревню к мужикам, да там и разговляйся!» (с. 163).

С этого момента пасхальная радость героя омрачается, как и вся его последующая жизнь («Нет хуже напасти: ехать надо, а мочи нет... Чего доброго, помрет в дороге... Не дали мы ему, Лизавета, паски, а небось и ему надо было дать», «Солнце взошло, но играло оно или нет, Торчаков не видел», «Неизвестно отчего им овладела скука, и от праздничной радости в груди не осталось ничего, как будто ее и не было», «Есть ему не хотелось, чай казался невкусным...»).

Текст рассказа изобилует христианскими (и собственно пасхальными) деталями: «крашеные яйца», «паска», «кулич», «христосование», «Христово воскресение», «велик день», «Христос воскрес», «ангел», «святой», «Бог». Количество пасхальных символов и деталей на небольшом отрезке текста выглядит несколько нарочито. М. Ранева-Иванова задается вопросом, являются ли христианские детали в данном случае только необходимыми и естественными в контексте большого православного праздника или выполняют смыслообразующую функцию вместе с другими элементами.

М. Ранева-Иванова в указанной статье выделяет ряд христианских мотивов в рассказе А.П. Чехова «Казак» и прослеживает их развитие на семиотическом уровне, опираясь на теоретические работы Э. Ауэрбаха о фигуральной технике в «христианском реализме» и Т. Зиолковского о постфигуральном и трансфигуральном романе в литературе XX века. Данные исследования актуальны для М. Раневой-Ивановой тем, что выявляют взаимодействие прозаического текста с интертекстуальным материалом, которым является мотив евхаристии (при этом М. Ранева-Иванова рассматривает функционирование в рассказе «Казак» мотива «эпифании»

(«явления») в сочетании с мотивом встречи⁵. На наш взгляд, центральным мотивом в рассказе «Казак» является мотив несоответствия описываемых событий сущности праздника (как и в большинстве пасхальных рассказов А. П. Чехова: «Накануне поста», «На Страстной неделе», «Письмо» и др.). Этот мотив усиливается мотивом евхаристии. Нам кажется особенно значимым утверждение М. Раневой-Ивановой о значении мотива евхаристии в пасхальной тематике. «Известно, что многое из того, что совершается на Пасху, имеет символическое значение, соответствующее различным моментам жизни Христа. Важное место в смысловом ряду Пасхи занимает и кулич. Как пишет С.В. Булгаков в книге «Православие», кулич напоминает, что Иисус Христос крестной смертью и воскресением сделался для нас истинным хлебом животным. Такое значение артоса раскрывается в молитве на его освящение. Кроме того, в этой молитве священник, призывая благословение Божие на освящаемый артос, просит Господа исцелить всякий недуг и болезнь и подать здравие всем, вкушающим артос»⁶.

Открытый финал в рассказе А.П. Чехова «Казак» усиливает впечатление от прегрешения Торчакова и дает понять, что герой будет нести этот крест до конца своей жизни. Торчаков отказывает в просьбе встреченному больному казаку и тем самым нарушает целый ряд пасхальных правил жизни православного верующего. Он не только обижает встреченного в Светлое Воскресение путника, но и отказывает ему в возможности исцеления. Хотя практически сразу после своего отказа главный герой понимает, что совершил несправедное, и начинает раскаиваться, но он не предпринимает в этот момент никаких активных действий и далее винит в случившемся свою жену: «Все эти напасти, как говорил Максим, произошли оттого, что у него злая, глупая жена, что бог прогневался на него и на жену... за больного казака» (с. 166).

Открытый финал рассказа имеет притчевый характер (это как бы притча, рассказанная с целью назидания).

Несколько по-иному мотив несоответствия описываемых событий сущности праздника представлен в рассказе «Накануне поста».

Рассказ «Накануне поста» впервые был напечатан в «Петербургской газете» (1887 год, №52, 23 февраля). Основной смысл рассказа — лицемерное отношение к сути поста. Пост, в понимании Православной церкви и верующего человека, — это время покаяния, молитвы и духовного делания, «это время не уныния и мрака, а радости и укрепления наших сил любви к Богу и человеку, просвещения всего нашего существа для причас-

⁵ О мотиве встречи в религиозной сфере см.: *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., 1975. С. 249.

⁶ *Ранева-Иванова М.* Указ. соч. С. 487.

тия Святой Троице»⁷. «Мы призываемся «помазать наши лица» и «очистить нашу душу, как мы очищаем тело»⁸. Первостепенное значение имеет духовная составляющая поста. «В природе... есть несовершенство, а ней господствует закон всеобщего пожирания. Отказываясь от животной пищи, человек противится этому закону и ставит дух выше тела. Таков смысл Поста»⁹. А.П. Чехов через описание трапезы в последний вечер перед началом Великого Поста и через речь персонажей показывает их искаженное видение этого важного периода в жизни церкви и каждого христианина. Таким образом, А.П. Чехов демонстрирует искажение церковных христианских традиций в мещанском быту, замену веры ревностным исполнением некоторых обычаев.

На первый взгляд, этот рассказ представляет собой лишь короткую бытовую зарисовку: практически отсутствует развитие сюжета, семья пьет чай, готовится к вечерней трапезе, трапезничает. Однако уже заголовок рассказа говорит об авторском отношении к описываемому: автор как бы обращает наше внимание на несоответствие происходящего самому смыслу поста. На протяжении всего повествования никто из героев ни разу не упоминает ничего, связанного с духовной стороной жизни. Для героев главное во время поста — это отказ от скоромной пищи, воспринимаемый ими как бедствие:

« — Пойду спать... — говорит он, потягиваясь и зевая.

— Что? Спать? — спрашивает Пелагея Ивановна. — А заговляться?

— Я не хочу.

— Да ты в своем уме? — пугается мамаша. — Как же можно не заговляться? Ведь во весь пост не дадут тебе скоромного!» (с. 64).

Процесс заговления перед постом рассматривается как некий обязательный ритуал, важность которого доводится до абсурда.

«— Пей, Марковна, с вареньем, — обращается Пелагея Ивановна к повитухе, — завтра пост великий, наедайся сегодня!

Марковна набирает полную ложечку варенья, нерешительно, словно порох, подносит ко рту и, покосившись на Павла Васильича, ест; тотчас же ее лицо покрывается сладкой улыбкой, такой же сладкой, как само варенье» (с. 63).

Более того, поведение героев прямо противоречит и христианским заповедям, и главному смыслу дня накануне Великого Поста. А.П. Чехов нигде не упоминает, что канун Великого Поста в православной церкви назы-

⁷ Хопко Фома, прот. Основы Православия. Минск, 1991. С. 146.

⁸ Хопко Фома, прот. Основы Православия. С. 146.

⁹ Мень Александр, прот. Православное богослужение. Таинства, Слово и образ. М., 1991. С.80.

вается Прощеным воскресением (а события происходят вечером именно этого дня). Но в конце рассказа в столовую входит кухарка Анна, бухается хозяину в ноги и просит прощения:

«— Простите, Христа-ради, Павел Васильич! — говорит она, поднимаясь вся красная.

— Прости и ты меня, Христа-ради, — отвечает Павел Васильич равнодушно.

Анна тем же порядком подходит к остальным членам семьи. Бухает в ноги и просит прощения. Минует она одну только Марковну, которую, как неблагородную, считает недостойной поклонения» (с. 64).

Отметим, что глава семейства практически машинально участвует в вечернем ритуале, тем самым поминая имя Христа всуе. Анна же просит прощения выборочно, распределяя присутствующих по социальной иерархии. В то время как главный христианский смысл воскресения перед Великим Постом состоит в том, чтобы простить не только обидевших нас, но даже и врагов, и самим попросить прощения. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6. 14-18). Протопресвитер Александр Шмеман в книге «Великий Пост» указывает на то, что настоящий подлинный Пост должен быть не лицемерным, не показным, и отмечает значимость прощения как одного из важнейших условий христианского Поста. «Торжество греха, главный признак его владычества в мире — это ссоры, несогласия, разделения, ненависть. Поэтому первый пролом через крепость греха есть прощение: возвращение к единению, согласию, любви... Простить — это значит отвергнуть все счета и расчеты человеческих отношений, предоставив их Христу. Прощение — настоящее вторжение Царства Небесного в наш грешный и падший мир»¹⁰.

Рассмотрение творчества А.П. Чехова с точки зрения функционирования пасхальных мотивов в его прозе, на наш взгляд, раскрывает немаловажную грань его наследия — осмысление православных традиций как средство раскрытия нюансов человеческих взаимоотношений. При этом центральным является мотив несоответствия описываемых событий сущности праздника, что дает возможность противопоставить евангельские истины лицемерию бездумного, вошедшего в привычку исполнения правил церковной жизни.

¹⁰ Шмеман Александр, протопресвитер. Великий Пост. М., 2000.